

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.10.15>

Глембоцкая Яна Олеговна

ОСОБЕННОСТИ КАРТИНЫ МИРА В ПОВЕСТИ СТЕЙНБЕКА "О МЫШАХ И ЛЮДЯХ" И В ПЬЕСЕ ГОРЬКОГО "НА ДНЕ"

Статья посвящена сопоставлению картины мира в повести Дж. Стейнбека "О мышах и людях" и в пьесе М. Горького "На дне". Впервые в сравнении рассматриваются разные библейские влияния, проявившиеся в том и другом произведениях соответственно. Автором установлено, что у Горького смысловая основа пьесы связана с христианством, тогда как у Стейнбека - с Ветхим Заветом; и что трактовка произведений Стейнбека и Горького как иллюстрирующих процессы социальной борьбы ограничивает их содержание. В работе отмечается роль интертекста как герменевтического ключа к повести Стейнбека. Отмечается сказочный характер идеала в этой повести.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2019/10/15.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 10. С. 67-70. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2019/10/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 82.091+821.111(73)

Дата поступления рукописи: 05.08.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.10.15>

Статья посвящена сопоставлению картины мира в повести Дж. Стейнбека «О мышах и людях» и в пьесе М. Горького «На дне». Впервые в сравнении рассматриваются разные библейские влияния, проявившиеся в том и другом произведениях соответственно. Автором установлено, что у Горького смысловая основа пьесы связана с христианством, тогда как у Стейнбека – с Ветхим Заветом; и что трактовка произведений Стейнбека и Горького как иллюстрирующих процессы социальной борьбы ограничивает их содержание. В работе отмечается роль интертекста как герменевтического ключа к повести Стейнбека. Отмечается сказочный характер идеала в этой повести.

Ключевые слова и фразы: Джон Стейнбек; «О мышах и людях»; Максим Горький; «На дне»; картина мира; Ветхий Завет; христианство; сказка.

Глембоцкая Яна Олеговна, к. филол. н.

Новосибирский государственный театральный институт

79132006124@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ КАРТИНЫ МИРА В ПОВЕСТИ СТЕЙНБЕКА «О МЫШАХ И ЛЮДЯХ» И В ПЬЕСЕ ГОРЬКОГО «НА ДНЕ»

Повесть Джона Стейнбека «О мышах и людях» – известное произведение американской литературы, её инсценировка чаще других попадает в репертуар театров России, столичных и провинциальных. Для российского читателя и зрителя история двух бродяг, почти братьев, узнаваемо резонирует с произведениями Горького, в особенности – с пьесой «На дне». А она, в свою очередь, принадлежит к числу наиболее популярных русских пьес, идущих за рубежом [18]. Сближение этих двух текстов имеет под собой основания, в том числе биографические.

«Пролетарский» писатель Максим Горький своей известностью отчасти обязан собственной биографии, тесно переплетавшейся с социальной историей России рубежа веков. Выходец из низших трудовых слоев, с юности бывший и батраком, и бродягой, Горький соответствовал образу пролетарского писателя, создаваемому победившей советской властью; и эта власть неизменно поднимала его на щит: «Явление общественное, новый духовный тип, появившийся в России, в Горьком распознали рано. Причудливый жизненный путь, уникальность личного опыта были оценены по достоинству им самим и его современниками. В 1983 году неизвестный провинциальный журналист пишет набросок своей автобиографии “Изложение фактов и дум, от взаимодействия которых отсохли лучшие куски моего сердца”. В 1899 году биография Горького впервые появилась в журнале “Семья” и в статье Д. Городецкого и начала кочевать по страницам журнальных публикаций. Со временем сложился стереотип печатной работы о Горьком: совмещение критического анализа его произведений с пересказом биографии автора.

Критики видели в Горьком одновременно автора и главное действующее лицо его произведений, бессознательно рассматривая его жизнь как материал для творчества, как приключенческий роман» [5, с. 1-2].

Биография Джона Стейнбека не менее, чем у Горького, драматична и переплетена с политической историей США XX века. В молодости (1930-е гг.) Стейнбек много общался с бедняками, батраками и сезонными рабочими, в том числе с мигрантами из Мексики и чернокожими. Так что крылатое выражение Горького «мои университеты», характеризующее скудные случайные заработки и жизнь в бедности, могло быть по праву сказано и им. В Советской России интерес к творчеству Стейнбека был связан не только с его талантом, но и с политическими убеждениями, которые, по мнению власти, могли быть использованы для пропаганды советского образа жизни на Западе. Прибывшего в СССР Стейнбека опекали и писатели, и люди номенклатуры, а ряженные колхозники и таксисты пытались завербовать его в «друзья Советского народа». Однако попытки превратить Джона Стейнбека, по примеру Горького, в искреннего друга американского пролетариата, в поклонника Сталина не увенчались успехом [1; 8].

Сказанным обусловлена **цель** нашей работы: сопоставить художественные картины мира, созданные тем и другим писателями. В **задачи** работы входит, помимо прочего, анализ библейского контекста у Горького и Стейнбека. Насколько нам известно, подобные литературоведческие исследования до сих пор не проводились. Этим определяется **научная новизна** настоящего исследования. Его **актуальность** связана с тем, что современный виток социального развития в мире по ряду параметров сопоставим с первой половиной XX века, когда складывалось творчество сначала Горького, а затем Стейнбека.

Пьеса М. Горького «На дне» (1902) – одна из самых известных русских пьес в мире. Творчество Горького тесно связано с русской революцией и с советской литературой как особым этапом в развитии русской словесности [3; 5; 9-11; 13-15; 17; 19; 20; 22-24]. Как отражение социальных процессов в России конца XIX века, пьеса «На дне» показывает последствия массового переселения людей в города: потерю источников существования, а главное – моральную деградацию: утрату желания трудиться. Праздность, лень, распущенность и нравственная нечистота в пьесе представлены как гораздо более фундаментальные явления, чем нищета и безработица. В отличие от своего героя Луки, автор не верит в возможность возрождения для жителей ночлежки. Гибель Актера в финале пьесы – это предсказанная автором гибель всех и каждого обитателя ночлежки в недалеком

будущем. Если применять, ссылаясь на Луку, христианскую оптику к интерпретации художественного мира пьесы, то все, что происходит с героями, совершается во времена апокалиптические.

Повесть «О мышках и людях» была опубликована в 1937 г. и вскоре переработана автором для сцены. В том же 1937-м Стейнбек получил за эту пьесу награду (New York Drama Critic Award). Сюжет пьесы глубоко укоренен в американской повседневной жизни, но взгляд на положение человека в мире связывает «На дне» и пьесу Стейнбека. Чен Лихуа в статье «Марксистский взгляд на повесть Стейнбека “О мышках и людях”» [16] показал, что Стейнбек понимает социально-политические причины бедственного положения своих героев, в отличие от них самих. То же самое можно было сказать и о пьесе Горького «На дне»: ее автор предвидел гибель героев ночлежки в социальном катаклизме, однако в их собственный кругозор социальная борьба не попадает.

Как видно, узкосоциальная трактовка оказывается недостаточной для полноценного понимания произведений двух выдающихся авторов. Поденные рабочие у Стейнбека, так же как и батраки и бродяги у Горького, оказываются не просто частными иллюстрациями судьбы людей, которым не повезло. Это фигуры обобщения: они олицетворяют судьбу «человека вообще». У Стейнбека это, с одной стороны, судьба земледельца, которого согнали со своей земли и тем самым лишили источника пропитания. С другой стороны, это трагедия всего человечества, разрушающего патриархальный уклад жизни в погоне за все большим потреблением товаров и экономических благ. В этом ракурсе чаемое будущее героев парадоксальным образом совпадает с прошлым: с укладом жизни, в которой хватало места всем, кто готов работать на земле.

Объемное видение мира героев Стейнбека достигается помещением его в контекст истории человечества с библейских времен. Стейнбек прибегал к этому приему нередко: так, один из его романов назван «К востоку от Эдема» (1952). В кругозоре автора картина природы Америки – это образ рая на земле, недоступного людям, но существующего в реальности. Развернутая экспозиция повести «О мышках и людях», в которой дана картина безмятежной жизни природы, единения всех стихий – реки, воды, животных и птиц, существующих в согласии с замыслом Создателя, – резким контрастом оттеняет то, что будет происходить дальше с героями.

“A few miles south of Soledad, the Salinas River drops in close to the hillside bank and runs deep and green. The water is warm too, for it has slipped twinkling over the yellow sands in the sunlight before reaching the narrow pool. On one side of the river the golden foothill slopes curve up to the strong and rocky Gabilan Mountains, but on the valley side the water is lined with trees – willows fresh and green with every spring, carrying in their lower leaf junctures the debris of the winter's flooding; and sycamores with mottled, white, recumbent limbs and branches that arch over the pool. On the sandy bank under the trees the leaves lie deep and so crisp that a lizard makes a great skittering if he runs among them. Rabbits come out of the brush to sit on the sand in the evening, and the damp flats are covered with the night tracks of 'coons, and with the spread pads of dogs from the ranches, and with the split-wedge tracks of deer that come to drink in the dark” [21, p. 1].

Приведенный фрагмент, открывающий повесть – это описание природного уголка в отсутствие человека, выдержанное в идиллических тонах. Это гармоничное состояние природы, пребывающей в вечном обновлении: «В нескольких милях к югу от Соледада река Салинас несет свои глубокие зеленые воды вдоль скалистого берега. Теплая вода долго неторопливо текла по желтым пескам, поблескивая на солнце, прежде чем влиться в небольшую заводь. На крутом берегу золотистые скалы предгорья поднимаются к могучему хребту Габилан, другой, равнинный, берег обрамлен ивами, которые каждую весну покрываются свежими зелеными листьями, сохраняя на нижних ветвях следы зимнего половодья; платаны с кривыми сучьями в белых пятнах образуют над водой теннистую арку. Земля под деревьями устлана толстым ковром легких сухих листьев, таких хрустких, что даже ящерица не пробежит по ним бесшумно. По вечерам из кустов появляются кролики – посидеть на теплом песке, а ночью на сыром ровном песчаном берегу остаются следы енотов, широких лап собак с окрестных ранчо и острых раздвоенных копыт оленей, которые приходят в темноте на водопой. Меж ив и платанов вьется тропа, утоптанная местными мальчишками, прибегающими купаться в глубокой заводи, и бродягами, свернувшими с шоссе, чтобы поесть и переночевать у воды. Под толстым суком огромного платана скопилась куча золы от множества костров, низко растущий сук отшлифован людьми, сидевшими на нем» (перевод автора статьи. – Я. Г.).

Само название реки переводится с испанского как Уединение (Одиночество). Уединение природы нарушают двое бродяг, Джордж Милтон и Ленни Смол. Присутствие человека в природе немедленно нарушает ее гармонию. В повести Стейнбека эта идея наглядно воплощается в фигуре Ленни с его особенностями поведения, о которых мы узнаем из первого же диалога Джорджа и Ленни. Слабоумный великан Ленни, наделенный огромной физической силой, искренне стремится проявить свою нежность путем соприкосновения с живыми существами, грозящего им смертью. Ленни пытается приласкать полевых мышей и тем самым невольно убивает их: душит в своей огромной руке. (В финале сюжета Ленни так же случайно и при таких же обстоятельствах убивает жену хозяина ранчо.) Эта гибельная ласка – символ трагического разлада между человеком и природой: их контакт невозможен, поскольку человек невольно убивает все живое, к чему прикасается. Конечно, здесь присутствует символика грехопадения, оторвавшего человека от райского состояния гармонии с мирозданием. Ветхозаветные смыслы, таким образом, задают герменевтическую парадигму повести Стейнбека.

Кроме описанного иносказательного смысла повести Стейнбека, необходимо обратить внимание на ее заголовок, который является цитатой из стихотворения Роберта Бернса *To a Mouse, on Turning up Her Nest with the Plough* (К полевой мыши, на разорение ее гнезда плугом), написанного на шотландском диалекте:

“But, Mousie, thou art no thy lane

In proving foresight may be vain:

The best laid schemes o' mice an' men

Gang aft a-gley,

An' lea'e us nought but grief an' pain,
For promised joy" [12]. /

«Но не только ты одна, Мышь, // Пример того, что надежды могут рухнуть, // Самые продуманные планы мышей и людей // Часто идут наперекосяк, // Не оставляя нам ничего, кроме горя и боли, // Вместо обещанной радости» (перевод автора статьи. – Я. Г.).

В литературном переводе М. Л. Михайлова это звучит так: «Но не с тобой одним, зверек, // Такие шутки шутит рок! // Неверен здесь ничей расчет: // Спокойно ждем // Мы счастья, а судьба несет // Невзгоду в дом» [6, с. 153]. Перевод адекватно передает песенную народную интонацию и непосредственность устойчивой речи лирического субъекта стихотворения, обращающегося к мыши как к товарищу по несчастью. Фраза "The best laid schemes o' mice an' men" в английском языке является «крылатой» и по смыслу перекликается с русской пословицей «человек предполагает, а Бог располагает». Подобно тому, как плуг человека разрушает жилище мыши, и попускаемые от Бога бедствия разрушают планы человека на будущее. В контексте повести таким роковым «плугом» стал биржевой крах 1929 года, который привел к Великой депрессии, продлившейся вплоть до начала Второй мировой войны. Массовая безработица, нищета и безысходность описаны и в других произведениях Стейнбека, особенно в романе «Зима тревоги нашей». (Добавим, что и название этого романа – также цитата, из «Ричарда III» Шекспира: "Now is the winter of our discontent...") Позиция смирения, к которому подвигает этот смысловой контекст, явно актуализирует концепцию Книги Иова, традиционно имеющей большое значение для американской культуры.

Очевидно, Джон Стейнбек мыслит в категориях «большого времени», так что интерпретация его произведений в качестве приложения марксистской идеи о неизбежности социальной революции сильно обедняет их смысл. В основу повести «О мышах и людях» положен конфликт мироздания и человека. Автор рассказывает историю о двух названных братьях как притчу, развивая древнейшие представления человека о потере рае. Переход земли в руки крупных землевладельцев, превращение крестьян в наемных рабочих, увиденное в библейском контексте, сродни изгнанию из рая.

Кругозор Горького и его героев – не таков. Это кругозор, направленный вперед, и в перспективе «трансцендентальный»: не случайно само это слово звучит из уст Сатина уже в начале первого действия пьесы. Направление смысловых взглядов героев Горького так или иначе связано с изменением человека. Лука обнадеживает умирающую Анну: «Ты – надейся... Вот, значит, помрешь, и будет тебе спокойно» [4, с. 180]. Актеру он тоже внушает надежду на новую жизнь после лечебницы, которая находится «в одном городе... как его? Название у него эдакое... Да я тебе город назову! Ты только вот чего: ты пока готовься! Воздержись!» [Там же]. Надо измениться человеку самому по себе: обрести надежду, воздержаться от пьянства... и тогда лучшее настанет. Это христианская установка, не ветхозаветная. Даже на вопрос о Боге Лука отвечает Пеплу: «Во что веришь, то и есть» [Там же, с. 183]. То есть все на свете создается подвигом человеческой веры. И Актер, вдохновленный обещаниями Луки, декламирует: «Честь безумцу, который навеет // Человечеству сон золотой!» [Там же, с. 187].

С этим фундаментом мировоззрения связана и этика. Сам же Лука утверждает: «Человек – может добру научить... очень просто!» [Там же, с. 193]. Вера, с которой вместе добро, у Луки стоит против «правды». Позитивистски достоверной вчерашней «правды», которая написана в картах и схемах и «не по нутру» человеку. Притча про «человека, который в праведную землю верил» [Там же, с. 194] парадоксальным образом на уровне самой формы слова противопоставляет *правду* – и *праведность*. Отсутствие *праведной* земли – правда, но не благая, а стало быть, вредоносная. Такая ценностно заостренная позиция опять-таки свойственна проповеди Христа, а не заповедям Моисея. «Люди-то? Они – найдут! Кто ищет – найдет... Кто крепко хочет – найдет!» [Там же, с. 195]. Здесь прямо слышится евангельское: «Ищите, и обрящете». Наконец, Сатин утверждает: «Человек – это ты, я, они, старик, Наполеон, Магомет... в одном! <...> Существует только человек, все же остальное – дело его рук и его мозга!» [Там же, с. 208]. Речь идет не о единичном человеке, а о человечестве: в терминологии того времени, эпохи модерна – о Богочеловечестве. Мы убеждаемся, что вся риторика пьесы «На дне», ее лингвокультурная ткань принадлежит христианству – как бы ни относился Горький-писатель к его идеологии.

Вернемся к повести «О мышах и людях» и присмотримся к идеалу, который вырисовывается в этом произведении. Он обретает черты некоторой определенности в неизменных мечтах недоразвитого инфантильного Ленни (сама фамилия героя – Small – означает «маленький»). Мечты Ленни – о собственном ранчо, где он будет выращивать кроликов. Эти мечты изначально несбыточные; а жанр, в котором они периодически проявляются, заметно тяготеет к сказке. Джордж то и дело рассказывает Ленни, как они будут жить на ранчо. Ленни дословно знает все, что скажет ему Джордж, однако требует повторять этот рассказ снова и снова. Сам способ рассказывания – повторение одного и того же текста слово в слово – характерен именно для сказочно-повествовательного бытового и культурной практики. В ней важен не только сам текст, но и ритуал его произнесения вслух. И действительно, Джордж, заменивший Ленни родителей, становится для слабоумного, но доброго силача отцовской фигурой. Голос Джорджа успокаивает Ленни, помогает ему увидеть картину несбыточного счастья. Именно так ведут себя маленькие дети, которые требуют воспроизведения ритуала рассказывания сказки или чтения книги, даже если они знают ее наизусть и сами поправляют родителей, неточно воспроизводящих текст. Уместным будет обобщение: все несчастные обездоленные жители ранчо ведут себя, как дети. Даже Керли, склонный к рукоприкладству, похож на задиристого драчливого ребенка. Изгнанные из рая дети мучают, унижают и уничтожают друг друга, оставшись без присмотра «взрослых».

Как видно, при внешнем сходстве статуса персонажей и условий их существования у Стейнбека и Горького картина мира у того и другого писателей оказывается различной. Оба автора используют библейские аллюзии для создания картины мира. Но у Стейнбека герменевтическим ключом оказывается Ветхий Завет

с его тематикой изгнания из рая, всецелой власти Бога – судьбы над человеком. Идеал, оцеляющий этот мир, заведомо недостижим, поэтому он смягчается своим бытованием в «сказочном» режиме. У Горького же герменевтическая парадигма задается христианской тематикой подвижничества, утверждения идеала и движения к нему сильного Человека – Человечества.

Из всех произведений Джона Стейнбека повесть «О мышах и людях» оказалась наиболее интересной для театра и экрана. Помимо нескольких экранизаций, инсценировка повести не сходит со сцены российских театров как одна из самых пронзительных историй о дружбе, а точнее – о братской любви. Общечеловеческий пафос и универсальный гуманизм истории, рассказанной Стейнбеком, не отменяет того факта, что это очень американская история, относящаяся к трагическому периоду в истории США.

В настоящее время проблема полной безработицы или неполной занятости становится снова актуальной даже для развитых экономик и богатых стран [2]. Алексей Сахнин в статье «Кризис эпохи демонтажа социального государства» дает обзор этих процессов и делает тревожный прогноз: «Почти забытое слово “поденщик” относилось к самым низам дореволюционного российского общества. Сельские батраки, чернорабочие, отходники, бурлаки – эти герои Горького и Гиляровского буквально перебивались с хлеба на воду, чередуя случайные грошовые заработки с воровством, проституцией и каторгой. Это смрадное дно старого общества было расчищено за счет построения государства всеобщего благоденствия, Welfare state, оплаченного неисчислимыми жертвами XX столетия. Теперь, на исходе первой четверти XXI века, мы вновь наблюдаем возвращение этого мира, причем повсеместно, даже в самых богатых странах» [7, с. 56-57]. Поэтому и пьеса Горького «На дне», и пьеса Стейнбека вновь становятся остро актуальными, о чем свидетельствует интерес современного театра к этим произведениям.

Список источников

1. **Абарин В.** Американские писатели в СССР: Стейнбек [Электронный ресурс] // Радио Свобода. 04.07.2016. URL: <https://www.svoboda.org/a/27837653.html> (дата обращения: 07.07.2019).
2. **Аджемоглу Д., Робинсон Дж. А.** Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. М.: АСТ, 2016. 693 с.
3. **Глембоцкая Я. О.** Сравнительный анализ системы персонажей в пьесах М. Горького «На дне» и «Унтиловск» Л. Леонова // Верхневолжский филологический вестник. 2019. № 1 (16). С. 32-39.
4. **Горький М.** Избранное: рассказы, очерки, пьесы. М.: Просвещение, 1983. 288 с.
5. **Егошина О. В.** Формирование образа Максима Горького и его ранняя драматургия: автореф. дисс. ... к. искусствоведения. М., 1993. 24 с.
6. **Михайлов М. Л.** Сочинения: в 3-х т. М.: ГИХЛ, 1958. Т. 1. 638 с.
7. **Сахнин А.** Кризис эпохи демонтажа социального государства // Эксперт. 2018. № 44 (1095). С. 56-61.
8. **A Study Guide to Steinbeck** / ed. by T. Haushi. N. Y. – L.: Metuchen; Scarecrow Press, 1974. 316 p.
9. **Autant-Mathieu M.-Ch.** Gorki et le theatre d'art de Moscou: des affinités selectives [Электронный ресурс] // Studia Litterarum. 2018. Т. 3. № 1. P. 179-195. URL: <http://studlit.ru/images/2018-3-1/Autant-Mathieu.pdf> (дата обращения: 29.07.2019).
10. **Brown D.** Soviet Russian literature since Stalin. Cambridge – L. – N. Y. – Melbourne: Cambridge University Press, 1979. 404 p.
11. **Brown E.** Russian literature since the Revolution. N. Y.: Collier, 1963. 367 p.
12. **Burns R.** Английская поэзия [Электронный ресурс]. URL: <http://eng-poetry.ru/PoemE.php?PoemId=1293> (дата обращения: 03.08.2019).
13. **Chamberlin W.** The Russian Revolution, 1917-1921: 2 vols. N. Y.: Macmillan, 1935.
14. **Freeborn R.** The Russian Revolutionary Novel: Turgenev to Pasternak. Cambridge: Cambridge University Press, 1982. 302 p.
15. **Hare R.** Maxim Gorky: Romantic Realist and Conservative Revolutionary. L.: Oxford University Press, 1962. 156 p.
16. **Lihua C.** A Marxist Perspective to John Steinbeck's Of Mice and Men // Canadian Social Science. 2005. Vol. 1. № 1. P. 81-83.
17. **Mathewson R.** The Positive Hero in Russian Literature. N. Y.: Columbia University Press, 1975. 369 p.
18. **Rolet S.** Comment les Français ont découvert “Na dne” [Электронный ресурс] // Studia Litterarum. 2018. Т. 3. № 1. P. 154-177. URL: <http://studlit.ru/images/2018-3-1/Rolet.pdf> (дата обращения: 29.08.2018).
19. **Ruehle J.** Literature and Revolution: A Critical Study of the Writer and Communism in the Twentieth Century. L.: Pall Mall P., 1969. 520 p.
20. **Slonim M.** Modern Russian Literature: From Chekhov to Present. N. Y.: Oxford University Press, 1953. 467 p.
21. **Steinbeck J.** Of Mice and Men [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nhc.ac.uk/media/2840/steinbeck-john-of-mice-and-men.pdf> (дата обращения: 03.08.2019).
22. **Struve G.** Russian Literature under Lenin and Stalin 1917-1953. Norman: University of Oklahoma Press, 1971. 454 p.
23. **Winegarten R.** Writers and Revolution: The Fatal Lure of Action. N. Y.: New-Viewpoints, 1974. 377 p.
24. **Wortman R.** The Crisis of Russian Populism. Cambridge: Cambridge University Press, 1982. 224 p.

WORLDVIEW PECULIARITIES IN J. STEINBECK'S NARRATIVE “OF MICE AND MEN” AND M. GORKY'S PLAY “THE LOWER DEPTHS”

Glembotskaya Yana Olegovna, Ph. D. in Philology
Novosibirsk State Theatre Institute
79132006124@yandex.ru

The article compares the worldviews represented in J. Steinbeck's narrative “Of Mice and Men” and M. Gorky's play “The Lower Depths”. For the first time, the paper examines biblical influences observed in these literary works. The researcher argues that the philosophical content of Gorky's play is associated with Christianity, and Steinbeck's narrative – with the Old Testament; moreover, interpretation of these literary works as examples of social struggle restricts their content. The role of inter-text as a hermeneutic key to Steinbeck's narrative is emphasized. It is shown that this narrative offers a fairy ideal.

Key words and phrases: John Steinbeck; “Of Mice and Men”; Maxim Gorky; “The Lower Depths”; worldview; Old Testament; Christianity; fairy tale.